

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ГЛАГОЛА (на материале глаголов социальных действий и отношений)

В статье рассматривается лексическое значение глагола в свете когнитивного подхода. Концептуальной моделью лексического значения глагола является когнитивный сценарий, который является ментальной структурой, состоящей из совокупности эпизодов. На материале глаголов социальных действий и отношений показаны особенности моделирования когнитивного сценария.

A. Plotnikova

COGNITIVE MODELLING OF THE VERB'S LEXICAL MEANING (based on verbs of social action and relation)

The article views the lexical meaning of the verb in the aspect of the cognitive approach. The conceptual model of the lexical meaning of the verb is presented in a cognitive scenario, which represents a mental structure consisting of the totality of episodes. Peculiarities of modeling the cognitive scenario are shown on the base of verbs of social action and relation.

В традиционной семантике накоплен значительный опыт исследования лексического значения слова в соотношении с категориями мышления и категориями действительности. С разных позиций исследовались вопросы связи значения и понятия, значения и значимости, значения и функции. Семасиологический подход обращает внимание при исследовании лексического значения на его многокомпонентность и внутреннюю неоднородность этих компонентов. В соответствии с этим в лексическом значении выделяются макрокомпоненты — крупные лексические блоки, которые определяют семантику слова (денотативный, сигнификативный, коннотативный, в некоторых работах рассматривают также эмпирический, культурный, селективный и другие компоненты), и микрокомпоненты — семы, минимальные элементарные единицы смысла.

В начале 1990-х гг. в связи с распространением в России когнитивных идей традиционный взгляд на структуру лексического значения подвергался критике. Так, Е. Г. Беляевская пишет: «...необходимо отказаться от узкого понимания лексического значения как совокупности основных и

наиболее существенных признаков обозначаемого, необходимых и достаточных для его идентификации. Лексическое значение включает в себя весь комплекс знаний об обозначаемом, в том числе потенциальные и ассоциативные признаки, и представляет собой микрофрейм — особым образом организованный блок знаний об обозначаемом»¹. В научных работах говорилось о том, что разложение значения слова на составляющие семантические компоненты (компонентный анализ) не учитывает роль значения в процессе функционирования, не связывает значение слова с преломленным в сознании человека опытом и знаниями о мире. Вероятно, такое категоричное отрицание предшествующих достижений было связано с формированием когнитивной семантики как самостоятельной области лингвистического знания. В последнее время ученые отмечают, что первоэлементы значения лежат в основе когнитивной деятельности человека.

В когнитивной семантике значение является основным объектом исследования. Но сравнивая традиционную и когнитивную семантику, мы можем говорить о смещении акцентов в изучении значения. Как

пишет Е. С. Кубрякова, «...с современной точки зрения вопрос о значении знака должен быть сформулирован как вопрос о том, какое концептуальное или когнитивное образование подведено под «крышу» знака, какой квант информации выделен телом знака из общего потока сведений о мире»². Обращая внимание не на структуру значения, а на то, как и какая информация о мире представлена в значениях языковых единиц, когнитологи определяют значение как «концепт, схваченный знаком» и говорят о том, что в значении репрезентировано опосредованное языком представление о мире. На основании таких представлений о значении Н. Н. Болдырев называет когнитивную семантику теорией концептуализации и категоризации, теорией того, как человек воспринимает и осмысливает окружающий мир и как его опыт познания реализуется в значениях языковых выражений³.

Рассмотрение значения глагола с когнитивных позиций приводит к мысли о фиксации в нем знаний человека о действиях, процессах, событиях, происходящих в действительности, т. е. значение глагола фиксирует процедурные форматы знания.

Глагол в свернутом виде способен отображать элементы представляемой ситуации, т. е. обладает высокой валентностью. Например, в семной структуре глагола *руководить* (*руководит* — ‘направлять чью-л. деятельность, быть во главе чего-л.’) определены его будущие синтаксические связи. Субъектом обозначаемого глаголом действия может быть человек, организация, причем социальный статус субъекта выше статуса объекта (по определению Л. П. Крысина, это асимметричный глагол). Объектом также может быть человек (*профессор руководит аспирантами*), организация (*руководит кафедрой*). Включение в состав глагольного значения указания на субъект и обстоятельства действия, подчеркивает А. А. Уфимцева, анализируя английский глагол *to church*, обо-

значающий целую церемониальную ситуацию: «воздать публично (в церкви) молитву (о женщине-роженице) в благодарность за благополучный исход ее родов». Она пишет: «...в наименование *to church* оказываются включенными почти все члены предложения: субъект (благополучно родившая женщина), предикат (воздать молитву, помолиться, прочесть молитву и т. п.), обстоятельства, выражающие причинно-следственные отношения»⁴.

Изучая семную структуру глаголов комплексной семантики, Л. Г. Бабенко распределяет их на два класса: глаголы включенной и совмещенной семантики. При включении, пишет Л. Г. Бабенко, семная структура глагола имеет «не одно, а по меньшей мере два предикативных места: позицию основного идентифицирующего предиката в статусе категориально-лексической семы, и позицию включенного предиката в статусе дифференциальной семы», причем основной и включенный предикат обычно связаны логическими отношениями цели, причины, результата и следствия, образа действия и под.⁵ Например, глагол *гарантировать* — ‘обеспечивать успех, качество чего-л., выполнение каких-либо условий, ограждая и защищая от чего-л. побочного, нежелательного и давая ручательство, поруку в чем-либо’⁶. Лексическое значение содержит одну основную пропозицию (*обеспечивать успех*), две включенные событийные (*защищая от чего-л. нежелательного, давая ручательство*) и логическую пропозицию образа и способа действия (*обеспечивать успех* как? каким образом? — *защищая и давая ручательство*). При совмещении пропозиций значение глагола фиксирует несколько одновременно происходящих ситуаций. Например, глагол *отмечать* — ‘заниматься устройством празднества, торжества в честь чего-л., в ознаменование чего-л. (юбилея, праздника, окончания работ, учебы и т. п.), участвовать в празднике’ содержит две равноправные пропозиции (*организовывать и участвовать*).

Материалом исследования являются глаголы социальных действий и отношений, т. е. глаголы, которые обозначают поведение человека в обществе, его образ и стиль жизни, определяемый обществом (отношением к собственности, отношением к себе и к другим членам коллектива), ролевые и статусные взаимоотношения людей в различных социальных группах (*подчинять, управлять, победить, защищать, освобождать, противодействовать* и др.). Помимо денотативной сложности глаголов социальных действий и отношений, связанной с многообразием социальных сфер деятельности человека, следует говорить о когнитивной и семантической специфике этих глаголов.

Рассмотрим в качестве примера основное значение глагола защитить: *защитить* — ‘оградить от посягательства, нападения, неприязненных и враждебных действий; оборонить’⁷. Глагол *защитить* является ретроспективно направленным: защита всегда возникает как результат предшествующего ей нападения, враждебных или опасных действий со стороны противника. Именно эта ретроспективная направленность детерминирует его полипропозитивный характер. Поскольку в роли субъекта и объекта защиты могут выступать как одушевленные, так и неодушевленные субстанции, обозначим их условными символами *X* и *Y*. Контрагенс, чьи действия направлены против *X*, или контрсилу, противодействующую *X*, обозначим символом *N*. Наблюдателя, который квалифицирует действия контрагенса как опасные и способные принести вред *X*, обозначим символом *Z*.

Таким образом, глагол *защитить* включают две событийные пропозиции, образующие когнитивный сценарий:

- пропозиция 1 (событийная): *N* совершает или потенциально может совершать в отношении *X* действия, которые *Z* рассматривает как опасные, вредные для *X*. В словарных дефинициях глагола такие действия чаще всего обозначают лексиче-

скими репрезентантами *посягательство, нападение, враждебные действия*. Данная пропозиция по отношению к основной пропозиции защиты на денотативном уровне представляет ретроситуацию;

- пропозиция 2 (событийная): *X* охраняет, ограждает *Y* от *N*. На денотативном уровне данная ситуация конкретизируется в зависимости от целей, способов и средств защиты, что отражается в семантике глаголов.

Как показывает анализ материала, большинство социальных глаголов характеризуется полипропозитивной семантикой, т. е. способностью репрезентировать комплекс ситуаций.

Пропозиции в сознании человека определенным образом упорядочены, представляют собой определенную последовательность действий и образуют когнитивный сценарий.

Идея представления значения слова как репрезентанта сценарной структуры организации знания принадлежит Дж. Лакоффу. Исследуя эмоцию гнева, он пишет: «...выражения, обозначающие гнев в американском, английском, не являются случайным набором, но представляют собой область, структурированную в терминах весьма разработанной когнитивной модели, имплицитно представленной в семантике языка»⁸. Эту когнитивную модель Дж. Лакофф называет прототипическим сценарием гнева, состоящим из ряда последовательных, сменяющих друг друга во времени этапов: событие, наносящее ущерб; гнев; попытка удержать гнев под контролем; утрата контроля; наказание.

Анализ семантики социальных глаголов позволяет рассматривать в качестве самостоятельных сценарии поведения, победы и поражения, достижения цели, противодействия, профессионально-трудовой деятельности, принуждения, убеждения, помощи, управления, подчинения, разрешения и запрещения, контакта. Такая корреляция в типах сценариев и типах лексико-семантических групп (далее — ЛСГ) соци-

альных глаголов носит неслучайный характер. Как известно, каждая ЛСГ, выделенная на семантическом основании (с помощью методики компонентного анализа), отображает определенный фрагмент процессуальной картины мира: звучание, движение субъекта, перемещение объекта и т.д. Социальные глаголы отображают те фрагменты бытия, которые связаны с существованием и взаимодействием людей в социуме. Структура ЛСГ социальных глаголов отображает способы социального существования и взаимодействия людей в социуме, которые на когнитивном уровне представляют собой различные когнитивные сценарии.

Например, когнитивный сценарий помощи состоит из следующих сцен:

1) объект находится в сложном положении (моральном или материальном) и нуждается в поддержке;

2) субъект обладает необходимыми средствами для помощи объекту;

3) субъект предпринимает какие-либо действия, прилагает усилия с целью помощи объекту.

Представленный в таком предельно обобщенном виде когнитивный сценарий конкретизируется в значениях глаголов, репрезентирующих ситуацию помощи, например, в значении глагола *опекать* конкретизируется позиция объекта (недееспособные лица, дети, лишившиеся родителей, душевнобольные), в значении глагола *выручать* конкретизируется позиция обстоятельств (из тяжелого положения). В некоторых глаголах помощи когнитивный сценарий усложняется за счет увеличения числа пропозиций и конкретизации социальных ролей участников, например, *консультировать* — «будучи компетентным, обладая авторитетом профессионала в какой-л. области, помогать кому-л., давать (дать) советы по каким-л. вопросам»⁹. Как видно из словарной дефиниции, субъект ситуации — осведомленное лицо, обладающее авторитетом профессионала в какой-либо сфере деятельности.

В большинстве глаголов помощи субъект является более высоким по социальному статусу или по материальному положению, вследствие чего способен оказать содействие объекту.

Таким образом, в когнитивных сценариях социальных глаголов фиксируется не только последовательность действия, его «моторная программа» но и социальные роли участников, специфика их социального взаимодействия. Анализ семантики русских глаголов социальных отношений позволяет утверждать, что в лексических значениях ряда глаголов содержатся компоненты, позволяющие смоделировать структуру статусных отношений. Рассмотрим в качестве примера ЛСГ управления. Согласно данным ТИСРГ, в нее входят глаголы *администрировать, владычествовать, властвовать, возглавлять, возлагать, господствовать, дирижировать, заведовать, заказывать, закреплять, княжить, назначать, начальствовать, отстранять, переводить, поручать, править, регулировать, руководить, увольнять, уполномочивать, управлять*. Субъектом всех этих глаголов является лицо или организация, обладающая властью. Объектами будут лицо или организация, не принадлежащие к властным структурам или стоящие ниже по социальной иерархии. Словарные дефиниции толковых словарей обычно не фиксируют статусные признаки субъекта действия. Более того, позиция субъекта действия обычно не обозначается в словарных дефинициях, а информация о статусных ролях субъекта и объекта входит в пресуппозитивную часть значений глаголов. Например, в глаголах *отстранить* («уволить, освободить от исполнения каких-л. обязанностей»), *уволить* («освободить от выполнения каких-л. обязанностей, связанных с работой, службой»), *уполномочить* («снабдить полномочиями на что-л., поручить сделать что-л. от чьего-л. имени») субъект действия выше объекта по социальному статусу, он обладает властью, правом руководить, управлять объектом, поручать ему какие-л. дела.

Однако, как видно из приведенных примеров словарных дефиниций, в словаре не только не обозначены статусные возможности субъекта, но и вообще не представлен этот субъект.

Кроме того, значимым для когнитивных сценариев социальных глаголов оказывается модально-прагматический компонент, т. е. оценка ситуации говорящим с позиций соблюдения и несоблюдения социальных норм. Например, глаголы, которые описывают ситуации нарушения норм этикета, содержат компоненты отрицательной оценки, зафиксированные в толковых словарях либо в виде эмоционально-оценочных помет (*попугайничать* – ‘*Неодобр.* Быть попугаем (во 2 знач.)’, либо в виде компонентов словарной дефиниции, непосредственно указывающих на нарушение нормы (*забыться* – ‘выйти из границ принятого, нарушить нормы поведения’). В ряде случаев модально-прагматический компонент значения выявляется с помощью методики ступенчатой идентификации. Например: *дразнить* – ‘называть в насмешку каким-л. обидным прозвищем’; *насмешка* – ‘обидная шутка по поводу кого-, чего-л.’; *обидный* – ‘содержащий в себе обиду, причиняющий обиду, оскорбительный’; *обида* – ‘оскорбление, огорчение, причиненное кому-л. несправедливо, незаслуженно’. Из такого анализа видно, что *дразнить* предполагает унижение, оскорбление достоинства другого человека, приводит к обиде и оценивается как несправедливое действие.

Модально-прагматический компонент значения особенно важен для глаголов социального поведения. Рассмотрим в качестве примера когнитивный сценарий неестественного поведения, который репрезентируется глаголами: *аристократничать*, *барствовать*, *вельможничать*, *геройствовать*, *гусарить*, *донжуанствовать*, *дипломатничать*, *жеманиться*, *интеллигентничать*, *лицедействовать*, *либеральничать*, *кокетничать*, *лакействовать*, *ловеласничать*, *меценатствовать*, *обезьянничать*, *притворяться*, *политиканствовать*, *попу-*

гайничать, *рыцарствовать*, *скоморошничать*, *стиляжничать*, *эстетствовать* и др. В отличие от тщательного скрываемого обмана такое поведение проявляется в жестах, мимике, словах, речи, движениях, поступках. Субъект, выбирая определенный тип поведения, маскируется и хочет произвести впечатление на окружающих своим поведением. Анализируя «игровое поведение», И. И. Сандомирская отмечает, что такое поведение подвергается некатегоричной пейоративной оценке и репрезентирует типажные гештальты: шута (*актерствовать*, *лицедействовать*, *скоморошничать*, *гримасничать*); ребенка (*хныкать*, *егозить*, *капризничать*); героя (*геройствовать*, *рыцарствовать*); хозяина (*важничать*, *высокомерничать*); интеллигента (*аристократничать*, *умничать*); женщины (*кокетничать*, *жеманиться*) и др.¹⁰ К уже выделенным можно добавить типажные образы животного (*попугайничать*, *обезьянничать*) и литературного персонажа – выразителя определенных черт (*донкихотствовать*, *донжуанствовать*, *ловеласничать*).

Многие из исследуемых глаголов поведения в словообразовательном отношении производны от имен существительных. В семантическом плане они опираются на стереотипный признак имени. Например, глагол *гусарить* мотивирован именем *гусар*. *Гусар* – ‘В российской армии и армиях некоторых стран XVII–XX вв.: солдат или офицер из частей легкой кавалерии’, однако значение глагола *гусарить* – ‘вести себя подобно гусару; проявлять молодечество, удаль’ основано на стереотипных и фоновых знаниях носителей языка о гусаре как о молодом человеке, отличающемся смелостью, удалью. Категориальная сема существительного («военнослужащий») редуцируется в значении глагола. Образование глаголов игрового, «актерского» поведения обусловлено их словообразовательными связями с производящими именами существительными – носителями стереотипных черт. Черты стереотипных образов всегда

перцептивно наблюдаемы. Игровое поведение обязательно обнаруживается в жестах, мимике, словах, действиях, оно ориентировано на внешние особенности поведения и в этом смысле близко поведению актера, перевоплощающегося на глазах у публики. Игровое поведение может рассматриваться как проявление неестественности, лицемерия и даже обмана, целью которого является удовлетворение корыстных целей (*лицедействовать, лакействовать, холуйничать, фиглярничать* и др.), а может быть средством выражения творческих способностей человека (*оригинальничать, стилиажничать, скоморошничать* и др.).

Когнитивный сценарий глаголов этой группы включает двух участников: *X* (субъект) и *Z* (наблюдатель). В семантике глаголов актуализируется позиция наблюдателя. Это объясняется тем, что глаголы обозначают такой тип поведения, который обычно не соотносится с субъектом «я». Так, ограниченно употребление этого глагола в контексте «я актерствую», «я попугайничаю», «я политиканствую» и т. п. (оно возможно только в случае временной отдаленности субъекта от описываемых им событий). Более типично соотнесение этого типа поведения с субъектом, находящимся в поле зрения наблюдателя (*он актерствует, ты попугайничаешь* и т. п.). Сценарий исследуемых глаголов обусловлен позицией наблюдателя, его опытом, знаниями, его социальными предпочтениями.

Когнитивный сценарий «актерства» можно представить следующим образом: *X* ведет себя каким-либо образом (обычно неестественно или нетипично), обнаруживая в жестах, мимике, движениях, словах, способе поведения такие признаки, которые в сознании *Z* соотносятся с определенным стереотипным образом (актера, лакея, аристократа, политика, интеллигента и т. д.); *Z*, апеллируя к стереотипу, определяет поведение *X* соответствующим образом и тем самым выносит свою оценку: отрицательную или некатегорично отрицательную.

Способы варьирования когнитивного сценария обусловлены семантикой производящих существительных. Как было отмечено выше, не любой образ-«маска» способен «проникнуть» в значение глагола и занять позицию инкорпорированного актанта. Ср.: *вести себя как актер* — *актерствовать*, *вести себя как либерал* — *либеральничать*, *вести себя как кокетка* — *кокетничать*, *вести себя как сумасшедший* — *сумасшедствовать*, *вести себя как аристократ* — *аристократничать*, но нет в русском языке глаголов, производных от имен существительных и обозначающих, например, такие типы поведения: *вести себя как сноб*, *вести себя как демократ или консерватор*, *вести себя как незнакомец*, *вести себя как крестьянин* и т. д. Вряд ли можно объяснить такие предпочтения одних образов другим их привлекательностью или особой значимостью для лингвокультурного сообщества. Безусловно, фонетический и словообразовательный облик некоторых существительных препятствует образованию глагольных производных. Однако есть и другая причина выбора образа-«маски», которая связана с наличием константных и внешне наблюдаемых признаков стереотипа. В лексических значениях некоторых слов проступают стереотипные черты и признаки, перцептивно наблюдаемые, и поэтому такие слова образуют производные метафорические значения (например, *либерал* — это снисходительный, мягкий, человек, обнаруживающий терпимость к взглядам других; *дипломат* — это человек, отличающийся учтивостью, изяществом манер, осторожностью в общении с людьми). Стереотипный образ других слов связан с выражением внутренних, ненаблюдаемых признаков, что препятствует как образованию производных метафорических значений, так и возникновению глаголов, отображающих определенный тип поведения (например, *консерватор* — это человек, отстаивающий старое, отжившее, *консул* — человек, который защищает правовые и экономические интересы государства). Следовательно, наличие в

семантике существительных эмпирических признаков (*кокетка, дипломат, скomorох, лицедей, обезьяна* и др.) и устойчивого ассоциативного фона (*рыцарь, гусар, вельможа, меценат, донжуан* и др.) способствует образованию производных глаголов, репрезентирующих когнитивный сценарий «игрового», «театрального» поведения, который мы назвали когнитивным сценарием «актерства».

Анализ когнитивного сценария позволяет не только определить компонентный состав лексических значений глаголов, но и продемонстрировать связь лексического значения глагола с отображаемым им динамическим фрагментом мира. Кроме того, анализ когнитивных сценариев позволяет выявить те интерпретационные смыслы, которые связаны с образом говорящего и его оценкой ситуации, и реконструировать фрагмент процессуально-событийной картины мира, репрезентируемый социальными глаголами. В результате исследования класса глаголов социальных действий и отношений выявлена центральная роль когнитивного сценария как когнитивной модели лексического значения глагола. Как показало исследование, социальные глаголы характеризуются следующими особенностями:

1) антропоцентричностью (референциально связаны с субъектом-человеком);

2) полифункциональностью (представляют различные типы социальных действий и отношений: социальное поведение человека, защита, победа и поражение, помощь, обеспечение, трудовые процессы и т. д.);

3) диффузностью значений (взаимодействуют с глаголами речевой деятельности, физических действий и т. д., т. е. с другими сферами антроподинамики);

4) полипропозитивным характером значения (способны включать в свое значение комплекс последовательно сменяющих друг друга или последовательно развивающихся ситуаций);

5) прагматической направленностью (обозначают ситуации, в которых субъект и объект обычно обладают закрепленными ролевыми функциями, а потенциально присутствующий в ряде глагольных значений наблюдатель оценивает социальные действия);

6) национальной специфичностью, которая обнаруживается в выборе концептуально значимых для лингвокультурного сообщества концептуальных зон, подлежащих лексикализации. В исследуемом материале национальная специфика наиболее явно проявляется в семантике глаголов поведения, фиксирующих закрепленные в обществе стереотипные представления об обмане, шалости, безрассудстве, грехе, эволюции, лени, скупости.

Таким образом, *когнитивный сценарий* — это абстрактная ментальная структура, представляющая собой интерпретацию говорящим ситуации внеязыковой действительности как типового (повторяющегося) динамического процесса, состоящего из совокупности эпизодов и предполагающего набор участников с закрепленными социальными ролями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Беляевская Е. Г.* Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах: Когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова: Дис. на соис. учен. ст. докт. филол. наук. — М., 1992. — С. 5.

² *Кубрякова Е. С.* Части речи с когнитивной точки зрения. — М., 1997. — С. 23.

³ *Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика. — Тамбов, 2000. — С. 18.

⁴ *Уфимцева А. А.* Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики. — М., 1986. — С. 138.

⁵ *Бабенко Л. Г.* Глаголы комплексной полипропозитивной семантики // Русская глагольная лексика: пересеканность парадигм: Памяти Э. В. Кузнецовой / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург, 1997. — С. 43.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

---

⁶ *ТИСРГ* – Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты. / Под ред. Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург, 1999.

⁷ Здесь и далее словарные дефиниции даны по Большому толковому словарю русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. – СПб., 2000.

⁸ *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. – М., 2004. – С. 527.

⁹ *ТИСРГ* – Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты. / Под ред. Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург, 1999.

¹⁰ *Сандомирская И. И.* Эмотивный компонент в значении глаголов (на материале глаголов, обозначающих поведение) // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М., 1991. – С. 114–136.